

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-149-172

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

О.А. Игумнов, канд. педагогических наук, доц. кафедры экономической теории и менеджмента Московского педагогического государственного университета, просп. Вернадского, д. 88, каб. 505, г. Москва, Российская Федерация, 119571*

Научный подход, представленный в настоящей статье, основан на понимании социального капитала и корпоративной культуры как пересекающихся организационных феноменов, несводимых, однако, друг к другу. При этом корпоративная культура понимается инструментально и рассматривается как фактор формирования, развития и использования социального капитала, опосредующий его организационные и управленческие эффекты. Это не отменяет факта сложных, итеративных отношений между ними, однако позволяет правильно расставить акценты, как теоретические, так и практические, подчеркивая более фундаментальную и всеобъемлющую природу социального капитала, непосредственно вытекающего из закономерностей социального взаимодействия и развивающегося безотносительно к целенаправленным управленческим усилиям по формированию единой корпоративной культуры. В статье представлены результаты анализа различных исследований социального капитала в России и за рубежом, характеризующих уровень генерализованного доверия в России как низкий и отмечающих разнонаправленную динамику между разными типами социального капитала, что не свойственно для развитых стран. Данные различия интерпретируются с точки зрения различий типов социальных отношений, лежащих в основе социального капитала: аффилиации, иерархии и обмена. С этой позиции высокий уровень декларируемого институционального доверия (с известной степенью допущения) можно интерпретировать как проявление рационального («калькуляционного») механизма конструирования общественного социального капитала в современном российском обществе. Сделан вывод о недостаточном учете в исследованиях зарубежных ученых социальной, культурной и духовной составляющих.

Проведен анализ проблем, оказывающих негативное воздействие на современное российское общество в процессе формирования социального капитала на микро-, мезо- и макроуровнях, среди которых — отсутствие социального единства и распространение российского варианта индивидуализма, связанного с тяжелыми проблемами выживания и повышающего уровень межличностного и институционального недоверия.

* Игумнов Олег Александрович, e-mail: oa.igumnov@mpgu.su

Ключевые слова: социальный капитал, генерализованное доверие, институциональное доверие, корпоративная культура, деловая культура, дистанция власти, ценности.

RUSSIAN ORGANIZATIONS SOCIAL CAPITAL FORMATION EXTERNAL FACTORS

Igumnov Oleg A., Cand. Pedagogical Sciences, Assoc. Department of Economic Theory and Management, Moscow State Pedagogical University, prosp. Vernadsky, 88, office. 505, Moscow, Russian Federation, 119571, mail: oa.igumnov@mpgu.su

The scientific approach presented in this article is based on the understanding of social capital and corporate culture as intersecting organizational phenomena however irreducible to each other. At the same time corporate culture is understood instrumentally and it is considered as a factor in the social capital formation, development and using process mediating its organizational and managerial effects. This does not negate the fact of complex iterative relations between them but allows to place the emphasis correctly both theoretical and practical, emphasizing the more fundamental and comprehensive nature of social capital directly arising from the laws of social interaction and developing regardless of the purposeful management efforts to form a single corporate culture.

The analysis of various studies of social capital in Russia and abroad characterizing the level of generalized trust in Russia as low and noting the multidirectional dynamics between different types of social capital which are not typical for developed countries. These differences are interpreted in terms of differences in social relations types underlying social capital: affiliation, hierarchy and exchange. From this point of view the high level of declared institutional trust (with a certain degree of assumption) can be interpreted as a manifestation of the rational ("calculation") mechanism of social capital construction in modern Russian society. The conclusion about insufficient account in foreign scientists of social, cultural and spiritual components researches is made.

The analysis of the problems that have a negative impact on modern Russian society in the process of social capital formation at the micro, meso- and macrolevels is made. The main problems are the lack of social unity and the spread of the Russian version of individualism associated with severe problems of survival and increasing the level of interpersonal and institutional distrust.

Key words: social capital, generalized trust, institutional trust, corporate culture, business culture, power distance, values.

Формирование организационного социального капитала и его взаимодействие с корпоративной культурой необходимо рассматривать в контексте внешней среды, прежде всего, социокультурной и институциональной. Социокультурная среда задает фундаментальные представления и ценностные ориентации, регулирующие социальные отношения, а институциональная определяет формы и механизмы поддержки норм взаимности и общественного доверия. Последнее обстоятельство целесообразно рассматривать с точки зрения состояния и условий общественного социального капитала,

который определяет универсальные и типичные формы выстраивания социальных связей в обществе, задавая тем самым своего рода шаблон и для организационных моделей взаимодействия.

Внешние условия формирования организационного социального капитала и корпоративной культуры российских организаций неоднократно становились предметом научного исследования. Целый ряд масштабных международных исследований, как сугубо эмпирических, так и теоретически фундированных, позволяют оценить общее представление о базовых ценностях российской деловой культуры в сравнении с другими странами¹, тогда как исследования, проведенные непосредственно в России, конкретизируют и уточняют содержание и динамику норм, убеждений и ценностей российского общества².

Проблемам оценки и анализа общественного социального капитала в России, в том числе в связи с социокультурными и социально-экономическими процессами, также посвящено значительное число теоретических и эмпирических исследований³. Ограничимся лишь некоторыми наиболее важными, на наш взгляд, соображениями.

¹ *Gelfand M.J.* Differences between tight and loose cultures: A 33-Nation study // *Science*. 2011. Vol. 332. P. 1100–1104; *Hampden-Turner C., Trompenaars F.* Building cross-cultural competence: how to create wealth from conflicting values. New Haven; L., 2000; *Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M.* Cultures and organizations: software of the mind. N.Y., 2010; *House R.J. et al.* Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004; *Rudnev M., Magun V., Schwartz S.* Relations among higher order values around the world // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. Vol. 49. P. 1165–1182; World values survey: round six — country-pooled datafile version / Ed. by R. Inglehart. Madrid, 2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>

² См., например: Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И.А. Халий. М., 2015; Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / Отв. ред. О.В. Аксенова. М., 2017; *Бондарь Е.А.* Социальный капитал в России и на Западе: сравнительный социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2012; *Васянин М.С.* Ценности и ценностные ориентации предпринимателей в современном российском обществе. Дисс. ... канд. соц. наук. Пенза, 2013; *Фомичёва Т.В.* Трансформация социокультурных ценностей в российском обществе // *Социальная политика и социология*. 2016. № 5. С. 148–156.

³ *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // *Мониторинг общественного мнения*. 2018. № 4. С. 273–292; *Беляева Л.А.* Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // *Философские науки*. 2016. № 10. С. 91–106; *Бинюкова И.С.* Социальный капитал России: проблемы и перспективы развития (социально-философский анализ). Новосибирск, 2014; *Дискин И.Е.* Модернизация российского общества и социальный капитал // *Мониторинг общественного мнения*. 2003. № 5–6. С. 14–20; *Епанчинцев А.О.* Социальный капитал в западных и российских социокультурных системах: Дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-н/Д., 2005; *Иванов В.В. и др.* Формирование социального

При оценке макроуровневого социального капитала России исследователи ориентируются на различные перспективы: социологические, экономические, психологические, философские. Однако большинство из них, так или иначе, опираются на теорию Р. Патнэма, что, по нашему мнению, вполне логично, поскольку именно он распространил понятие социального капитала на уровень всего общества. В соответствии с логикой этой теории ключевым элементом общественного социального капитала является доверие.

Рассматривая проблему общественного социального капитала в сравнительной перспективе, исследователи чаще всего опираются на данные крупных международных социологических исследований, прежде всего — Всемирного опроса о ценностях (World Values Survey, WVS), который содержит ряд переменных, посвященных доверию и другим показателям, регулярно использующихся при оценке общественного социального капитала: показателям политического участия, участия в ассоциациях и объединениях, просоциальных установок.

Тем не менее, иногда используются и совершенно иные наборы данных и показателей, таких, как результаты социологических или социопсихологических исследований⁴ или же статистические показатели относительно разных форм асоциального поведения, брачной статистики и др. Большинство исследователей, анализируя доступные данные, приходят к выводу о сравнительно низком уровне развития социального капитала в российском обществе по сравнению с большинством развитых стран⁵.

капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 3–16; *Старикова Е.П.* Структура и развитие социального капитала в современном российском обществе: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2015; *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М., 2009; Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния. Научный семинар. Фонд “Либеральная миссия”. 20.05.2011. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5265>

⁴ *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М., 2009; *Татарко А.Н., Миронова А.А., Чувашов С.В.* Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 47–62.

⁵ *Алмакаева А.М., Волченко О.В.* Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292; *Беляева Л.А.* Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // Философские науки. 2016. № 10. С. 91–106; *Зеленев И.А., Прохода В.А.* Доверие и уровень образования жителей европейских стран и России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 109–117; *Титов В.Н.* Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–100.

Покажем на примере одного из недавних исследований некоторые сложности таких оценок и возможности их более корректной интерпретации, основанной на учете разнообразия типов социального капитала и необходимости принимать во внимание второй элемент внешней (для организации) среды — ценностной модели национальной культуры.

Одна из недавних оценок социального капитала в России на общенациональном уровне, предложенная А.М. Алмакаевой и О.В. Волченко, основана на данных международных лонгитюдных исследований WVS для измерения трех типов социального капитала: семейного (помощь и контакты с членами семьи), неформального (преимущественно слабые связи с друзьями и коллегами) и формального (генерализованное доверие и членство в НКО)⁶. Несмотря на спорность предложенной типологии и ограниченность исследования показателями, имеющимися в WVS, исследование позволило установить некоторые существенные черты социального капитала в России и его динамику за последние годы.

Согласно данным анализа, проведенного авторами, семейный социальный капитал является стабильно-умеренным, а показатели формального и неформального капитала характеризуются разнонаправленной динамикой. Наибольшую ценность представляют данные, основанные на показателях доверия, которое является общепризнанным и непосредственным воплощением социального капитала. При том, что уровень доверия семье является универсально и стабильно высоким во всем мире (в России — более 97%), доверие знакомым демонстрирует негативную динамику и сократилось за 10 лет (с 2006 по 2017 гг.) на 5 п.п. до 77,5%⁷.

Особое значение для характеристики социальных условий в стране имеют показатели генерализованного доверия (доверия большинству и доверия незнакомым). Для России характерно низкое значение этих показателей (в 2017 г. — менее 24%), хотя в сравнительной перспективе его следует считать умеренно низким. В странах-лидерах (Нидерланды, скандинавские страны) уровень генерализованного доверия превышает 60–70%.

Наличие такой высокой степени неоднозначности в оценке социального капитала российского общества — важный сигнал, свидетельствующий о проблемах корректной интерпретации этого

⁶ Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292.

⁷ Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292, 280.

понятия. И, на наш взгляд, речь идет не столько о чисто методических проблемах отбора показателей и разработки процедур их агрегирования, сколько о необходимости более серьезного отношения к внутренней сложности социального капитала.

На разнонаправленную динамику между разными типами социального капитала обращает внимание и Е.В. Кондратьева, которая указывает, что в России наблюдается рост доверия в отношении “ближнего” круга при его снижении в отношении “дальнего” круга, при том что для развитых стран характерен именно высокий уровень генерализованного доверия⁸. На наш взгляд, именно различие между формами социального капитала является ключевой проблемой, которая должна рассматриваться одновременно с точки зрения типов социальных отношений, лежащих в основе социального капитала, и социокультурных ценностных моделей, определяющих фундаментальные представления, регулирующие эти отношения. Покажем содержание этих сложных взаимосвязей.

С социокультурной точки зрения разрыв между специфичным и генерализованным доверием лучше всего описывается моделью GLOBE, которая вводит понятия ингруппового и институционального коллективизма для описания разных ценностно-практических моделей выстраивания отношений между индивидом и другими людьми⁹. Хотя само по себе ценностное измерение “коллективизм-индивидуализм” — ключевое с точки зрения формирования социальных связей, — в том или ином виде присутствует в большинстве авторитетных моделей национальных культур, только в исследовании Р. Хауза и коллег это важное различие присутствует в явном виде.

Для России, в отличие, например, от большинства развитых стран, характерен более высокий разрыв между доверием к знакомым и незнакомым людям. Это соответствует данным GLOBE о выраженности разных типов коллективизма. Для России в этом исследовании характерен в большей степени не институциональный, а ингрупповой коллективизм, который как раз и предполагает ориентацию на социальные связи исключительно в ближнем круге. В Китае не меньше выражен и институциональный коллективизм, т.е. готовность распространять “особые отношения” на большие группы и все общество. Это объясняет высокий уровень генерали-

⁸ Кондратьева Е.В. Типы социального капитала и экономическое благосостояние: оценки для России // Мир экономики и управления. 2018. № 4. С. 48–49.

⁹ House R.J. et al. Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004.

зованного доверия в этой стране, который вызвал неоднозначную реакцию российских исследователей¹⁰.

Это различие становится еще более явным, если принять во внимание не только декларативно-ценностный, но и практический аспект коллективизма, измеренный в рамках проекта GLOBE. С точки зрения измерения различия заключались в формулировке вопросов. Так, при измерении практических аспектов коллективизма использовались утверждения вида: “В данном обществе родители гордятся личными достижениями своих детей” (измерялось согласие с утверждениями по 7-балльной шкале Р. Лайкерта), а для измерения декларируемых ценностей утверждения вида: “В данном обществе родители *должны* гордиться личными достижениями своих детей”.

В табл. 1 в иллюстративных целях приведены данные об относительной выраженности ингруппового и институционального коллективизма (эту разницу для удобства назовем ингрупповым дифференциалом) в трех странах — России, Китае и США.

Таблица 1

Значение ингруппового дифференциала (разницы между показателями ингруппового и институционального коллективизма) по данным проекта GLOBE для России, Китая и США¹¹

Ингрупповой дифференциал	Россия	Китай	США
Практический	1,13	1,03	0,05
Ценностный (декларативный)	1,9	0,53	1,6

Данные табл. 1. позволяют сделать вывод, что представленные страны демонстрируют существенно различающиеся культурные модели отношений между индивидом и обществом. Для России характерно заметно более выраженное суммарное доминирование ингруппового коллективизма, для США же оно носит исключительно декларативный характер, но практически отсутствует как социальная практика. Китайцы же, напротив, склонны гораздо выше оценивать роль институционального коллективизма на декларативном уровне, при этом демонстрируя выраженную практическую ценность и заботу о семейных социальных связях. Обратим внимание, что данные WVS, которые стали основой для вывода российских

¹⁰ Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292, 282.

¹¹ Источник: House R.J. et al. Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004. P. 468–471.

социологов о высоком уровне социального капитала в Китае, основаны исключительно на декларативных показателях.

Связь между ценностными ориентациями индивидуализма-коллективизма и социальным капиталом, таким образом, не является прямолинейной и однозначной.

Для многих развитых обществ с выраженными индивидуалистическими ценностями характерен высокий уровень генерализованного и институционального доверия. Это можно объяснить, если принять во внимание различие между типами социальных отношений, лежащих в основе социального капитала: аффилиации, иерархии и обмена. На социетальном уровне каждый из указанных типов лежит в основе формирования общественного социального капитала (по крайней мере, его составляющих, связанных с доверием), однако за счет действия различных механизмов. Рассмотрим каждый из типов подробнее.

1. Общественный социальный капитал, основанный на отношениях *аффилиации*. Отношения аффилиации соответствуют понятию ингруппового коллективизма, предложенного Р. Хаузом и изначально находятся в противоречии с логикой общественного социального капитала (поскольку тесные связи могут поддерживаться только с небольшим числом индивидов). Тем не менее, они могут способствовать и генерализованному доверию, если понятие “семьи” (ближнего круга) и логика ингрупповых отношений успешно проецируются на общество в целом.

Приведенный выше пример Китая в этом смысле является показательным, поскольку традиционная конфуцианская культура исключительное внимание уделяет именно принципам сыновней почтительности и, что еще важнее, ее универсальному применению для описания государственного устройства¹². Однако даже в случае с Китаем не следует преувеличивать значение институционального коллективизма, поскольку в отличие, например, от России и США, в практических аспектах преобладание ингруппового коллективизма выражено в гораздо большей степени, чем в ценностно-декларативных.

Для России, как можно заключить из данных Р. Хауза, такая модель не характерна, несмотря на периодическое использование патерналистской риторики в публичном дискурсе. Сфера действия

¹² Ромченко Е.Д. Базовые принципы китайской деловой культуры // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 242–247; Свердликова Е.А., Тагибова А.А. Российская модель экономики и бизнеса в сравнении с западными и восточно-азиатскими (“конфуцианскими”) моделями // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 4. С. 1–19.

семейного коллективизма не выходит за рамки действительно небольшого круга и, соответственно, не может лежать в основе общественного социального капитала.

Существует и другая возможность генерализации социального капитала, основанного на отношениях аффилиации. Она связана с конструированием этничности как “расширенной семьи”. Такая возможность обосновывается в ряде теорий этничности, рассматривающих ее через призму кин-отбора (отбора, направленного на сохранение признаков, благоприятствующих выживанию близких родичей данной особи), причем в некоторых из них “объективное” генетическое сходство между представителями этноса не является необходимым, а распространение семейных связей на большие группы обеспечивается преимущественно психологическими механизмами¹³. На наш взгляд, реализация данного механизма формирования общественного социального капитала действительно возможна, однако требует выполнения некоторых дополнительных условий.

Во-первых, общество должно быть достаточно этнически гомогенным, прежде всего с точки зрения разделяемой этнической идентичности. В противном случае квазиродственные отношения не смогут распространиться на большинство населения. Это положение согласуется с теорией Р. Патнэма, прямо указывавшего на негативное разрушительное воздействие этнического и культурного разнообразия на социальный капитал¹⁴.

Однако исследование А.Н. Татарко и др., выполненное на примере 25 российских регионов с разным уровнем этнокультурного разнообразия, показало отсутствие его влияния на обобщенное доверие, вовлеченность в деятельность клубов и ассоциаций, и выявило положительное влияние на сеть неформальных контактов и толерантность¹⁵. Авторы считают, что полученные ими данные опровергают теорию Р. Патнэма, а отсутствие связей, предсказанных некоторыми теориями, заставило их прибегнуть к ряду *ad hoc* объяснений.

На наш взгляд, полученные данные могут быть объяснены, если принять во внимание различия в типах социальных отношений,

¹³ Bayar M. Reconsidering primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*. 2009. Vol. 32. P. 1639–1657.

¹⁴ Putnam R.D. E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // *Scandinavian Political Studies*. 2007. Vol. 30. P. 137–174.

¹⁵ Татарко А.Н., Миронова А.А., Чувашиов С.В. Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 47–62.

лежащих в основе социального капитала. Этнокультурное разнообразие препятствует генерализации отношений, основанных на аффилиации, что, однако, вполне может компенсироваться развитием отношений обмена, которые уже и обеспечивают генерализованное доверие, необходимое для существования в полиэтнической среде.

Во-вторых, социальная солидарность, основанная на этнической общности, может актуализироваться лишь в условиях явного противопоставления другим этническим группам, т.е. в ситуации межгруппового (межэтнического) конфликта. Это утверждение соответствует современным эволюционно-психологическим представлениям, согласно которым межгрупповая конкуренция и конфликты являются важным стимулом для развития внутригрупповой кооперации, а, следовательно, и генерализованного доверия¹⁶.

Действие данных механизмов применительно к современному российскому обществу, на наш взгляд, носят достаточно ограниченный характер. Политические манипуляции с гражданской идентичностью и актуализация конфликтной парадигмы (“кругом враги”), согласно социологическим опросам, носят весьма умеренную эффективность и после пиковых значений 2014–2015 гг. имеют явную тенденцию к снижению¹⁷. Одновременно, достаточно высокий уровень этнической и, в целом, социальной гетерогенности российского общества также препятствует проекции “семейных” отношений на все общество. Не лишним также будет отметить, что наличие родственных связей не является безусловным механизмом формирования доверия и кооперативного поведения, а конкуренция между родственниками также имеет эволюционные предпосылки¹⁸.

2. *Общественный социальный капитал, основанный на иерархических отношениях.* Иерархические социальные связи в контексте проблемы генерализованного, и особенно институционального доверия, а также просоциального поведения и других проявлений социального капитала, тесно связаны с легитимностью власти и характерного для данного общества понимания ее природы.

¹⁶ Burton-Chellaw M.N., Ross-Gillespie A., West S.A. Cooperation in humans: competition between groups and proximate emotions // *Evolution and Human Behavior*. 2010. Vol. 31. P. 104–108.

¹⁷ Отношение к странам // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam> (по состоянию на май 2019).

¹⁸ West S.A., Pen I., Griffin A.S. Cooperation and competition between relatives // *Science*. 2002. Vol. 296. P. 72–75.

Ценностной ориентацией, которая наиболее непосредственно выражает межкультурные различия в понимании власти, является понятие дистанции власти, входящее в модель базовых ценностей Г. Хофштеде. Оно характеризует степень эмоциональной и психологической дистанции между руководством и подчиненными, властью и гражданами, готовность принимать неравенство как должное¹⁹. Обратим внимание, что высокая дистанция власти совсем не обязательно предполагает авторитаризм или безусловное подчинение существующей власти. Отношения между людьми с разным объемом ресурсов и власти в таком обществе могут быть антагонистическими.

Понятие дистанции власти также используется в модели GLOBE, однако именно в смысле степени, в которой “сообщество принимает авторитет, различия во власти и статусные привилегии”²⁰. Это определение в большей мере описывает склонность к авторитаризму как таковую, в том числе на уровне используемых индикаторов. Обе модели классифицируют Россию как страну с высоким уровнем дистанции власти, хотя в случае GLOBE — на уровне практики, но не ценностей. Поскольку в целом индекс дистанции власти Г. Хофштеде хорошо коррелирует именно с “практическим” аспектом аналогичного индекса GLOBE, мы будем ориентироваться на эти оценки российской культурной модели как аналогичные.

Сам Г. Хофштеде со ссылкой на результаты Евробарометра указывает, что высокая дистанция власти связана с меньшим уровнем доверия полиции и политического участия — важными показателями социального капитала²¹. В организационном контексте аналогичные результаты получены в исследовании китайских специалистов, которые на примере 12 китайских фирм выявили, что ценностная ориентация дистанции власти со стороны руководителей негативно влияет на доверие к ним со стороны работников, а также их желание искать совета и помощи²².

Россия является страной с одним из наиболее высоких значений индекса дистанции власти, что, теоретически, должно приводить к более низкому уровню доверия к властным институтам и, возможно,

¹⁹ Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind. N.Y., 2010.

²⁰ House R.J. et al. Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004. P. 513.

²¹ Ibid. P. 79.

²² Ji Y. et al. Power distance orientation and employee help seeking: trust in supervisor as a mediator // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2015. Vol. 43. P. 1043–1054.

общественному доверию в целом. Однако ситуация выглядит несколько более сложной. Регулярные замеры показывают достаточно высокий уровень декларируемого доверия в современном российском обществе к тем политическим и государственным институтам, которые концентрируют в себе наибольшую власть, прежде всего, к президенту и силовым структурам (в большей мере к армии и ФСБ, чем к полиции)²³.

В конце 1990-х гг. американские специалисты П. Дони, Дж. Кеннон и М. Муллен предложили теорию, объясняющую возможное разнонаправленное влияние дистанции власти на доверие²⁴. Обобщая междисциплинарные теоретические дискуссии, они указали на различные процессы и механизмы, которые могут лежать в основе доверия: калькуляцию (расчет выгод и издержек от определенного поведения), предсказание (способность предсказывать поведение других), интенциональность (понимание взаимных мотивов), способность (оценка способности партнера выполнять свои обязательства), перенесение (перенос доверия с одного объекта на другой). Согласно теоретической модели, культуры с высоким уровнем дистанции до власти могут формировать отношения доверия, основанные на:

- *калькуляции* (оппортунистическое поведение и низкий уровень участия в таких обществах является более выгодным, поскольку оппозиция и активность сопряжены с необходимостью преодолевать большее сопротивление и ростом издержек);
- *предсказании* (более высокий уровень конформизма способствует предсказуемости поведения других);
- *способности* (занятие высокой социальной позиции автоматически ассоциируется с высоким уровнем компетенции и, следовательно, способностью принимать решения, которые воспринимаются как правильные).

В какой мере эти механизмы действуют в современном российском обществе — вопрос эмпирический. Однако отметим, что первый из названных механизмов является одновременно и наиболее

²³ Институциональное доверие // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4> (по состоянию на май 2019 г.). См. также: Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292; World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version / Ed. by R. Inglehart. Madrid, 2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>

²⁴ Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R. Understanding the influence of national culture on the development of trust // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23. P. 601–620.

“эгоистическим”, поскольку индивид в таком случае ориентируется исключительно на собственный интерес. Одним из следствий этого механизма может служить склонность именно к декларативным формам институционального доверия и других проявлений общественного социального капитала и выражаться, в частности, в стремлении давать “социально одобряемые” ответы в ходе социологических опросов.

Одновременно, как справедливо замечают А.М. Алмакаева и О.В. Волченко, для России характерно достаточно низкое значение показателей социального капитала, связанных с просоциальным поведением и, более того, наблюдается их очевидная отрицательная динамика, наметившаяся еще с 1990-х гг. и наблюдающаяся в настоящее время²⁵.

В совокупности с относительно высоким уровнем декларируемого институционального доверия в отношении наиболее ресурсных институтов, это можно осторожно интерпретировать как проявление именно рационального, “калькуляционного” механизма конструирования общественного социального капитала, основанного на иерархических отношениях, в современном российском обществе. Такой гипотезе соответствуют и способность к быстрому отказу в демонстрируемом доверии власти, проявившемуся, в частности, в ходе ряда губернаторских выборов 2018 г. Как только властные институты становятся слабее, издержки не-оппортунистического поведения снижаются, что в отсутствие других механизмов социального капитала приводит к быстрой утрате доверия.

3. Общественный социальный капитал, основанный на отношениях *рыночного обмена*.

Отношения рыночного обмена, обеспечивая горизонтальные связи малознакомых или вовсе незнакомых акторов, имеют ключевое значение для формирования генерализованного доверия и кооперации. Они могут стать источником общественного социального капитала в той мере, в которой такие обмены подчиняются стабильным правилам, а институты способны обеспечить их соблюдение (именно поэтому формирование общественного социального капитала мы связываем, в первую очередь, именно с развитостью институциональной среды).

Многочисленные исследования показывают, что высокий уровень генерализованного и институционального доверия, участия и других проявлений общественного социального капитала зачастую

²⁵ Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 283–284.

характерен для обществ с выраженными индивидуалистическими ценностями (англосаксонские страны, Северная Европа). Этот кажущийся парадокс объясняется высокой ролью, которую в этих странах играют формальные правила и институциональные механизмы, гарантирующие их соблюдение (судебная система, независимые СМИ, политическая конкуренция, развитые НКО и др.).

Отметим, что важность формальных правил особенно важна именно для кооперации и доверия в отношении незнакомых людей. В этой связи полезно обратиться к модели национальных культур Ф. Тромпенаарса, Ч. Хэмпден-Тернера, в которой одно из центральных мест занимает ценностное измерение “универсализм-партикуляризм”²⁶. Универсалистские ценности предполагают одинаковость применения правил ко всем в релевантных ситуациях, тогда как партикуляризм допускает более гибкий, контекстуальный подход к применению правил в отношении других людей при наличии особых, личных связей с ними (например, прием на работу “по блату”).

Очевидно, что партикуляристские ценности способствуют социальному капиталу, основанному на отношениях аффилиации, а универсалистские — основанному на отношениях обмена. Россия, согласно данным Ф. Тромпенаарса и Ч. Хэмпден-Тернера, относится к числу партикуляристских стран²⁷. Это соответствует большей выраженности семейного коллективизма и подразумевает высокую терпимость к различным проявлениям “двойных стандартов”. Склонность к партикуляристским ценностям и практикам, таким образом, является еще одним фактором, ограничивающим возможности накопления общественного социального капитала за счет эффективности институтов, гарантирующих соблюдение общих стандартов и правил в обществе.

В приведенных выше аргументах предпринята попытка показать различные механизмы, связывающие ценностные аспекты социокультурной среды с формированием общественного социального капитала в России, отраженного, прежде всего, в показателях генерализованного и институционального доверия. При этом важно отметить, что общественный социальный капитал является существенно более динамичным, чем собственно культурные ценности, что демонстрируется динамикой конкретных показателей, исполь-

²⁶ Hampden-Turner C., Trompenaars F. Building cross-cultural competence: how to create wealth from conflicting values. New Haven; L., 2000.

²⁷ Hampden-Turner C., Trompenaars F. Building cross-cultural competence: how to create wealth from conflicting values. New Haven; L., 2000. P. 17.

зуемых исследователями. Это объясняется тем, что общественный социальный капитал отражает интегральный эффект воздействия базовых ценностей и существующих институтов, которые, в свою очередь, зависят от уровня экономического и технологического развития общества, качества корпоративного и государственного управления, политической конъюнктуры и т.д.

Однако очевидно, что с точки зрения организации внешняя среда воздействует на возможности и условия формирования организационного социального капитала и другими способами, не только через ситуативное состояние генерализованного и институционального доверия. Базовые ценности национальной культуры, определяя фундаментальные и наиболее устойчивые представления и социальные предрасположенности членов общества, не только определяют особенности функционирования социальных институтов, но и напрямую регулируют социальные отношения в организационном контексте, а также задают рамки возможных типов управленческой культуры и возможности менеджмента по управлению организационным поведением и социальными отношениями.

Используя данные трех масштабных, теоретически фундированных сравнительных исследований, содержащих сравнительные данные о ценностных моделях национальной деловой культуры России, можно сформировать общий профиль основных векторов ожидаемого воздействия ценностей на организационную среду и условия формирования внутреннего организационного социального капитала.

В табл. 2 обобщены ключевые показатели, характеризующие ценностный профиль России в соответствии с моделями Г. Хофштеде, Р. Хауза и Ф. Тромпенаарса, которые непосредственно ориентированы на выявление управленческих аспектов национальной культуры и могут рассматриваться как потенциальные факторы формирования социального капитала фирмы. В качестве базовой модели рассматривается модель Г. Хофштеде (как наиболее подтвержденная), модели же Р. Хауза и Ф. Тромпенаарса используются только в той мере, в которой они дополняют и уточняют модель Г. Хофштеде. Некоторые психологические исследования, использующие методологию Ш. Шварца, ориентированную на индивидуальный уровень ценностей, показывают схожие результаты²⁸.

²⁸ См.: Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности и социальный капитал социально-экономического развития // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. № 1. С. 17–34.

**Ценностные ориентации российской деловой культуры, регулирующие условия формирования
внутриорганизационного социального капитала**

Ценностная ориентация	Значение показателя для России	Абсолютное значение показателя	Границы значения показателя по всем обследованным странам	Основные векторы воздействия на социальный капитал организации
<i>Модель Г. Хофштеде¹</i>				
Дистанция власти (PDI)	высокое	93	11–104	Затрудненная коммуникация между руководителями и подчиненными
Индивидуализм (IDV)	среднее	39	6–91	Слабо выраженная склонность к формированию сильных связей
Маскулинность	низкое	36	5–110	Стремление персонала к комфортной социально-психологической среде
Избегание неопределенности (UAI)	высокое	95	8–112	Предпочтение социального взаимодействия со знакомыми, важность стабильных социальных связей
Долговременная ориентация (LTO)	высокое	81	0–100	Стремление создавать долговременные социальные связи
Толерантность (IVR)	низкое	20	0–100	Требования и ожидания конформизма, жесткий социальный контроль, социальная эксклюзия в отношении тех, кто не подчиняется локальным нормам или не разделяет групповую идентичность

¹ Актуальные показатели взяты с официального сайта Г. Хофштеде: The 6D model of national culture. URL: <https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-ger-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture>

Ценностная ориентация	Значение показателя для России	Абсолютное значение показателя	Границы значения показателя по всем обследованным странам	Основные векторы воздействия на социальный капитал организации
<i>Модель GLOBE²</i>				
Инструментальный коллективизм (практический)	высокий	5,63	3,53–6,36	Стремление формировать и/или использовать сильные социальные связи с представителями ближнего круга, формирование локальной групповой идентичности
Институциональный коллективизм (практический)	средний	4,50	3,25–5,22	Отсутствие выраженных предпосылок к формированию корпоративной лояльности, групповой солидарности и кооперации
Человеческая ориентация (практическая)	средняя	3,94	3,18–5,23	Отсутствие выраженной склонности к просоциальному поведению и неформальным связям
<i>Модель Ф. Тромпенаарса³</i>				
Универсализм	низкое	44	32–97	Низкая ценность формальных правил, восприятие дискриминации и преимуществ на основании социальных связей как нормальной практики

² Источник: House R.J. et al. Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004.

³ Источник данных: Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in business. L., 1998. Поскольку исследование и база данных Тромпенаарса-Хэмпден-Тёрнера носит закрытый характер, ограничимся иллюстративными оценками только по отдельным индикаторам, приведенным в данной публикации. Несмотря на то что она в определенной мере устарела, мы исходим из того, что фундаментальные базовые ценности являются в высокой степени стабильными и потому приведенные данные могут рассматриваться, по крайней мере, как вспомогательные. Кроме того, мы не включили результаты по потенциально релевантному измерению «диффузность-конкретность» из-за противоречивости данных, относящихся к России и, возможно, свидетельствующих о некачественной операционализации.

Значения показателей, полученные для России, требуют более развернутых комментариев в части, касающейся индивидуализма и коллективизма, поскольку по этим параметрам сложилось некорректное, как нам видится, представление о российской деловой культуре.

Так, Ф. Фукуяма полагает, что Россия, как и “некоторые другие бывшие коммунистические страны”, относится к числу подлинно индивидуалистических обществ, “члены которых не умеют объединяться друг с другом”²⁹. Аналогичной точки зрения придерживается и Р. Патнэм, по мнению которого, “не только Россия, а почти все бывшие коммунистические страны имели слабые традиции гражданского общества до прихода коммунизма, а тоталитарное правление свело на нет даже этот ограниченный запас социального капитала”³⁰. В исследовании Т. Николса также сделан вывод о современной России как стране, “испытывающей практически полное отсутствие социального капитала”, и что “в этом дефиците заключается наиболее исчерпывающее объяснение ее проблем”³¹.

Обоснованные данными авторами выводы содержат развернутое теоретическое обоснование проблем развития социального капитала, связанных со спецификой социально-экономического и политического развития советского общества, но, тем не менее, нам они представляются не вполне объективными в силу неверных посылок, лежащих в их основании.

Во-первых, отметим, что понятие “социальный капитал” в контексте представленных исследований трактуется довольно узко — как система социальных связей, направленных на получение экономических выгод, при этом социальная, культурная и духовная составляющие не оцениваются в достаточной мере, в то время как значение данных факторов и их воздействие на формирование социального капитала прослеживается в многочисленных профессиональных, творческих, молодежных и подростковых объединениях граждан.

Социальный капитал, сформированный в советский период российской истории, не сводился к приращению экономических благ, но он обеспечил ряд существенных положительных результатов в форме коллективизма, идеологического единства, социальной

²⁹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

³⁰ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.

³¹ Nicols T. Russian democracy and social capital // Social Science Information. 1996. Vol. 35. N 4.

целостности, нравственной культуры, которых в значительной степени недостает современному российскому обществу.

Активизация процесса формирования социального капитала требует решения ряда проблем, оказывающих негативное воздействие на современное российское общество.

На макроуровне это проблемы трансформации морально-нравственных ценностей, отсутствия единой общественной идеологии, несовершенства законодательства и правовых норм, атомизации и индивидуализации сознания граждан, неравных условий доступа к материальным, социальным и культурным благам. Негативное влияние указанных проблем проявляется в нарушениях социальных норм, правовом нигилизме, росте недоверия к власти, пренебрежении ценностями морали и нравственности, социальной фрустрации и ослаблении социальной и национальной солидарности.

На мезо- и микроуровнях развития социального капитала основными проблемами, по нашему мнению, являются отклонение от правил честной конкуренции, низкий уровень социальной ответственности, усиление межличностного и институционального недоверия, ослабление (а иногда и утрата) семейных ценностей, агрессивная экспансия потребительской культуры.

По мнению российских исследований, с которым мы солидарны, недостаточно активное накопление социального капитала в России обусловлено отсутствием социального единства. Так, по мнению Х.А. Кобелевой, для того чтобы «внести вклад в социальный капитал, человеку необходимо адаптироваться к моральным нормам определенного сообщества и усвоить господствующую в нем систему ценностей, правил и норм. В противном случае человек в своей повседневной деятельности будет поступать эгоистически, пренебрегая нормами общественной морали, в результате чего будет происходить накопление лишь “негативного” социального капитала и усиление межличностного недоверия в обществе»³².

Аналогичной позиции придерживается и В.В. Петухов, отмечая, что “российский индивидуализм — это индивидуализм людей, столкнувшихся с тяжелыми проблемами выживания, поэтому он и не дает пока импульсов к различным формам гражданской и профессиональной консолидации и солидаризма”³³. Опасность

³² Кобелева Х.А. Проблема формирования социального капитала в современной России // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 75–77.

³³ Петухов В.В. Общественная и политическая активность россиян: характер и основные тенденции // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6 (67–68). С. 13.

распространения данного типа индивидуализма в обществе заключается в усилении как межличностного, так и институционального недоверия, результатом которого является утрата способности к коллективному сопротивлению.

Отметим, что среди российских исследователей есть и достаточно оптимистический подход в оценке перспектив формирования социального капитала. Так, И.Е. Дискин отмечает, что «Россия становится европейской страной не только по принадлежности к европейской культуре и своему вкладу в нее. Базовые модели социально-экономической деятельности населения, несмотря на все деформации, в типологическом смысле становятся все более европейскими, ориентированными на рациональный индивидуальный выбор»³⁴.

Представленные данные показывают в целом достаточно согласованную характеристику российской культурной модели, которая напрямую отражается на регулировании социальных отношений в организации, и соответствует выводам относительно современного состояния общественного социального капитала. В целом действие социокультурных факторов, характерных для российской модели ценностей, можно охарактеризовать как скорее неблагоприятное для формирования организационного социального капитала. Высокая дистанция власти, доминирование ингрупповой формы коллективизма, отсутствие выраженных просоциальных установок в отношении субъектов за пределами ближнего круга ограничивают возможности развития социального капитала именно как организационного и корпоративного ресурса.

Однако было бы некорректно, по нашему мнению, автоматически переносить эти выводы, полученные на основе анализа внешней среды, непосредственно на уровень конкретной организации. Внутренняя культурная гетерогенность российского общества, специфика разных отраслей и типов организаций, разнообразие управленческих инструментов воздействия на корпоративную культуру и социальный капитал требуют рассматривать приведенные факты именно как характеристику условий их развития, но не как детерминанту. Анализ и изучение конкретных организационных контекстов и управленческих практик — необходимое следующее звено, позволяющее понять возможности и механизмы развития социального капитала организации в преимущественно неблагоприятных внешних условиях.

³⁴ Дискин И.Е. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. 1999. № 3. С. 34.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Актуализированные ценности современного российского общества / Отв. ред. И.А. Халий. М., 2015.
- Алмакаева А.М., Волченко О.В. Динамика социального капитала в России // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4. С. 273–292.
- Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / Отв. ред. О.В. Аксенова. М., 2017.
- Беляева Л.А. Социальный капитал в России и проблемы предпринимательской деятельности // Философские науки. 2016. № 10. С. 91–106.
- Бинюкова И.С. Социальный капитал России: проблемы и перспективы развития (социально-философский анализ). Новосибирск, 2014.
- Бондарь Е.А. Социальный капитал в России и на Западе: сравнительный социально-философский анализ: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2012.
- Васянин М.С. Ценности и ценностные ориентации предпринимателей в современном российском обществе: Дисс. ... канд. соц. наук. Пенза, 2013.
- Дискин И.Е. Российская модель социальной трансформации // Pro et Contra. 1999. № 3. С. 5–40.
- Дискин И.Е. Модернизация российского общества и социальный капитал // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6. С. 14–20.
- Епанчинцев А.О. Социальный капитал в западных и российских социокультурных системах: Дисс. ... канд. соц. наук. Ростов-н/Д., 2005.
- Зеленев И.А., Прохода В.А. Доверие и уровень образования жителей европейских стран и России // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 109–117.
- Иванов В.В. и др. Формирование социального капитала в России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2014. № 3. С. 3–16.
- Институциональное доверие // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4>
- Кобелева Х.А. Проблема формирования социального капитала в современной России // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 75–77.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности и социальный капитал социально-экономического развития // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2010. № 1. С. 17–34.
- Отношение к странам // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikator/otnoshenie-k-stranam> (по состоянию на май 2019).
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996.
- Петухов В.В. Общественная и политическая активность россиян: характер и основные тенденции // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 5–6 (67–68). С. 4–13.
- Ромченко Е.Д. Базовые принципы китайской деловой культуры // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 242–247.
- Свердликова Е.А., Тагибова А.А. Российская модель экономики и бизнеса в сравнении с западными и восточно-азиатскими (“конфуцианскими”) моделями // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 4. С. 1–19.

Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния: Научный семинар // Фонд "Либеральная миссия". 20.05.2011. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5265>

Старикова Е.П. Структура и развитие социального капитала в современном российском обществе: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2015.

Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. Монография. М., 2009.

Татарко А.Н., Миронова А.А., Чувашов С.В. Влияние культурного многообразия на социальный капитал в российском контексте // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 47–62.

Титов В.Н. Распределение социального капитала как условие модернизации российского общества // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 89–100.

Фомичева Т.В. Трансформация социокультурных ценностей в российском обществе // Социальная политика и социология. 2016. № 5. С. 148–156.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

REFERENCES

Aktualizirovannye cennosti sovremennogo rossijskogo obshhestva [Actualized values of modern Russian society] / *Otv. red. I.A. Halij.* М., 2015 (in Russian).

Almakaeva A.M., Volchenko O.V. Dinamika social'nogo kapitala v Rossii [Dynamics of social capital in Russia] // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2018. N 4. S. 273–292 (in Russian).

Asimetrija zhizni sovremennogo rossijskogo obshhestva: sootnoshenie tradicij i innovacij [Asymmetry of the life of modern Russian society: the ratio of tradition and innovation] / *Otv. red. O.V. Aksenova.* М., 2017 (in Russian).

Bayar M. Reconsidering primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity // Ethnic and Racial Studies. 2009. Vol. 32. P. 1639–1657.

Beljaeva L.A. Social'nyj kapital v Rossii i problemy predprinimatel'skoj dejatel'nosti [Social capital in Russia and the problems of entrepreneurial activity] // Filosofskie nauki. 2016. N 10. S. 91–106 (in Russian).

Binjukova I.S. Social'nyj kapital Rossii: problemy i perspektivy razvitija (social'no-filosofskij analiz) [Social capital of Russia: problems and development prospects (socio-philosophical analysis)]. Novosibirsk, 2014 (in Russian).

Bondar' E.A. Social'nyj kapital v Rossii i na Zapade: sravnitel'nyj social'no-filosofskij analiz [Social capital in Russia and in the West: a comparative socio-philosophical analysis]. Avtoref. Diss. ... kand. filos. nauk. Rostov-n/D., 2012 (in Russian).

Diskin I.E. Rossijskaja model' social'noj transformacii [Russian model of social transformation] // Pro et Contra. 1999. N 3. S. 5–40 (in Russian).

Diskin I.E. Modernizacija rossijskogo obshhestva i social'nyj kapital [Modernization of Russian society and social capital] // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2003. N 5–6. S. 14–20 (in Russian).

Doney P.M., Cannon J.P., Mullen M.R. Understanding the influence of national culture on the development of trust // Academy of Management Review. 1998. Vol. 23. P. 601–620.

Epanchincev A.O. Social'nyj kapital v zapadnyh i rossijskih sociokul'turnyh sistemah [Social capital in Western and Russian socio-cultural systems]: Diss. ... kand. soc. nauk. Rostov-n/D., 2005 (in Russian).

Fomichjova T.V. Transformacija sociokul'turnyh cennostej v rossijskom obshhestve [Transformation of Sociocultural Values in Russian Society] // Social'naja politika i sociologija. 2016. N 5. S. 148–156 (in Russian).

Fukujama F. Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. M., 2004 (in Russian).

Gelfand M.J. Differences between tight and loose cultures: A 33-Nation study // Science. 2011. Vol. 332. P. 1100–1104.

Gerasimova L.A. Faktory formirovanija i osobennosti razvitija social'nogo kapitala v sovremennom rossijskom obshhestve // Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. N 11. S. 33–36 (in Russian).

Hampden-Turner C., Trompenaars F. Building cross-cultural competence: how to create wealth from conflicting values. New Haven; L., 2000.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind. N.Y., 2010.

House R.J. et al. Culture, leadership, and organizations: the GLOBE study of 62 cultures. San Francisco, 2004.

Institucional'noe doverie [Institutional Trust] // Levada-centr. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/04/institutsionalnoe-doverie-4> (in Russian).

Ivanov V.V. i dr. Formirovanie social'nogo kapitala v Rossii [Formation of social capital in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6. Jekonomika. 2014. N 3. S. 3–16 (in Russian).

Ji Y. et al. Power distance orientation and employee help seeking: trust in supervisor as a mediator // Social Behavior and Personality: An International Journal. 2015. Vol. 43. P. 1043–1054.

Kobeleva H.A. Problema formirovanija social'nogo kapitala v sovremennoj Rossii [The problem of social capital formation in modern Russia] // Vestnik VGU. Ser. Istorija. Politologija. Sociologija. 2015. N 3. S. 75–77 (in Russian).

Lebedeva N.M., Tatarko A.N. Cennosti i social'nyj kapital social'no-jekonomicheskogo razvitija [Values and social capital of socio-economic development] // Journal of Institutional Studies (Zhurnal institucional'nyh issledovanij). 2010. N 1. S. 17–34 (in Russian).

Nicols T. Russian democracy and social capital // Social science information. 1996. Vol. 35. N 4.

Otnoshenie k stranam [Relationship to countries] // Levada-centr. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/otnoshenie-k-stranam> (po sostojaniju na maj 2019) (in Russian).

Patnjem R. Chtoby demokratija srabotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii [For Democracy to Work. Civil traditions in modern Italy]. M., 1996 (in Russian).

Petuhov V.V. Obshhestvennaja i politicheskaja aktivnost' rossijan: harakter i osnovnye tendencii [Public and political activity of Russians: character and main trends] // Monitoring obshhestvennogo mnenija. 2003. N 5–6 (67–68). S. 4–13 (in Russian).

Putnam R.D. E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte Prize Lecture // Scandinavian Political Studies. 2007. Vol. 30. P.137–174.

Romchenko E.D. Bazovye principy kitajskoj delovoj kul'tury [Basic principles of Chinese business culture] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2010. N 3. S. 242–247 (in Russian).

Rudnev M., Magun V., Schwartz S. Relations among higher order values around the world // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49. P. 1165–1182.

Social'nyj kapital v Rossii: izmerenie, analiz, ocenka vlijanija: Nauchnyj seminar [Social capital in Russia: measurement, analysis, impact assessment: Scientific seminar] // Fond "Liberal'naja missija". 20.05.2011. URL: <http://www.liberal.ru/articles/5265> (in Russian).

Starikova E.P. Struktura i razvitie social'nogo kapitala v sovremennom rossijskom obshhestve [The structure and development of social capital in modern Russian society]: Avtoref. Diss. ... kand. filos. nauk. Krasnojarsk, 2015 (in Russian).

Sverdlikova E.A., Tagibova A.A. Rossijskaja model' jekonomiki i biznesa v sravnenii s zapadnymi i vostochno-aziatskimi ("konfucianskimi") modeljami [Russian model of economics and business in comparison with Western and East Asian ("Confucian") models] // Teoreticheskaja i prikladnaja jekonomika. 2017. N 4. S. 1–19 (in Russian).

Tatarko A.N., Lebedeva N.M. Social'nyj kapital: teorija i psihologicheskie issledovanija. Monografija [Social capital: theory and psychological research. Monograph]. M., 2009 (in Russian).

Tatarko A.N., Mironova A.A., Chuvashov S.V. Vlijanie kul'turnogo mnogoobrazija na social'nyj kapital v rossijskom kontekste [The influence of cultural diversity on social capital in the Russian context] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2015. N 3. S. 47–62 (in Russian).

The 6D model of national culture. URL: <https://geerthofstede.com/culture-geert-hofstede-gert-jan-hofstede/6d-model-of-national-culture>

Titov V.N. Raspredelenie social'nogo kapitala kak uslovie modernizacii rossijskogo obshhestva [Distribution of social capital as a condition for the modernization of Russian society] // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2012. N 5. S. 89–100 (in Russian).

Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the waves of culture: understanding cultural diversity in business. L., 1998.

Vasjanin M.S. Cennosti i cennostnye orientacii predprinimatelej v sovremennom rossijskom obshhestve [Values and value orientations of entrepreneurs in modern Russian society]: Diss. ... kand. soc. nauk. Penza, 2013 (in Russian).

West S.A., Pen I., Griffin A.S. Cooperation and competition between relatives // Science. 2002. Vol. 296. P. 72–75.

World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile Version / Ed. by R. Inglehart. Madrid, 2014. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWV6.jsp>

Zelenev I.A., Prohoda V.A. Doverie i uroven' obrazovanija zhitelej evropejskih stran i Rossii [Trust and the level of education of residents of European countries and Russia] // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2017. N 2. S. 109–117 (in Russian).